

*Н.М. Маркдорф***Проблемы сохранения и восстановления
иностраннных воинских захоронений
Второй мировой войны в Западной Сибири:
1943–1990-е гг.**

Ключевые слова: погребальные мемориальные комплексы иностранных военнопленных, иностранные военнопленные, Вторая мировая война, Западная Сибирь, региональная политика, воинские захоронения, сохранение военного наследия, места погребений иностранных военнопленных, архивные документы, военный архив.

Key words: foreign prisoners burial memorial complexes, foreign prisoners, World war II, the Western Siberia, regional policy, military cemeteries, preservation of military heritage, the burial memorial places of foreign prisoners, archive documents, military archive.

В рамках данной публикации рассмотрена специфика внутренней политики, связанная с выявлением, изучением и сохранением иностранных воинских захоронений времен Второй мировой войны в тыловых районах Западной Сибири, т.е. на территории Кемеровской, Новосибирской, Тюменской областей и Алтайского края. За истекшие годы постоянно растет интерес к данной проблеме как в России, так и за рубежом, в частности в Германии, Японии, США, Великобритании, Франции, Австрии, в странах ближнего зарубежья. Историографический список научных исследований в этой области постоянно пополняется. Однако, к сожалению, и сегодня в нашем обществе есть определенное недопонимание важности и необходимости выявления имен и судеб не только погибших советских солдат, но и немецких, уважительного отношения к кладбищам бывших военных противников. Статья написана на основе материалов центральных и региональных архивов, которые в основном впервые вводятся в научный оборот.

Вопросы сохранения, восстановления, изучения и ухода за воинскими захоронениями времен Второй мировой войны на территории Германии и России как исторических мемориальных комплексов, так и части европейского культурного наследия, теснейшим образом связаны с исторической памятью человечества в современном мире. Ряд международных конвенций и соглашений, начиная со времени принятия в 1929 г. Женевской конвенции, регулируют порядок погребения и учет погибших в плену иностранцев, предусматривают систему мер, необходимых для того, чтобы воинские захоронения на территории противоборствующих сторон «должным образом почитались и надлежаще содержались» [1, л. 22–48].

Захоронения участников Второй мировой войны 1939–1945 гг., воевавших на стороне фашистской Германии, умерших в плену на территории России, с находящимися здесь элементами ограждения,

иными сооружениями и объектами в документах международного права определяются как памятные исторические места и подлежат охране государства. К таковым также относятся: кладбища или участки погребений, индивидуальные могилы на гражданских кладбищах или вне кладбищ, колумбарии и урны, которые еще существуют, могут быть обнаружены или заложены вновь в районах воинских захоронений военнопленных и интернированных гражданских лиц [2, с. 56–64].

В целях обеспечения должного ухода за данными мемориальными местами устанавливаются подлежащие учету охранные зоны и зоны охраняемого ландшафта. В рамках законодательства Российской Федерации предполагается, что на каждый выявленный воинский некрополь необходимо устанавливать мемориальный знак, а также составлять паспорт исторического объекта, в соответствии с которым производить картографирование территории и предоставлять в региональную администрацию точный реестр захоронений военнопленных. Ответственность за учет, содержание, документационное оформление воинских погребений возлагается на заместителей глав администраций городов и районов Российской Федерации [3, с. 45–47]. Правительства государств, чьими гражданами являлись захороненные на территории России, а также государственные и региональные учреждения, предприятия или общественные структуры вправе принимать участие в организации обустройства и ухода за погребениями военнопленных и интернированных [4, с. 260].

Впервые порядок погребения иностранных военнопленных в СССР регламентировал Проект ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1931 г. «Положение о военнопленных», в котором указывалось на необходимость производить захоронение военнопленных «в том же порядке, как и военнослужащих РККА... Место погребения каждого военнопленного должно быть надлежащим образом обозначено» [5, л. 1–1а]. Данный документ был положен в основу Постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР за № 1798-800с «Об утверждении положения о военнопленных» от 1 июля 1941 г. В постановлении указывалось, что «военнопленные могут составлять завещания... Деньги и документы умерших военнопленных для направления наследникам передаются Центральному справочному бюро при исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца» [6, л. 34–37]. Указанные

выше положения, касающиеся захоронений иностранцев, подтверждались Инструкцией о порядке учета военнопленных в лагерях НКВД за №001067 от 7 августа 1941 г. В частности, утверждалось, что, несмотря на национальный обычай у японцев сжигать трупы умерших, следует погребать их «путем предания земле» [7, л. 369–371]. Однако, несмотря на строгие предписания в начальный период организации лагерей, особенно в отдаленных тыловых лагерных отделениях, умерших военнопленных, особенно японцев, хоронили в соответствии с их традициями и обычаями – сжигали, поэтому в кладбищенских книгах и регистрационных документах встречаются записи «труп сожжен», а, следовательно, установить точное количество захоронений японских военнопленных на сегодняшний день вряд ли когда-либо будет возможным.

В дальнейшем, на протяжении 1943–1946 гг., организация воинских кладбищ, учет погибших иностранных военнопленных регламентировались рядом директив и инструкций НКВД–МВД СССР. В частности: Директива НКВД СССР №201 «О порядке погребения трупов военнопленных японцев» от 14 ноября 1945 г. [8, с. 477], Инструкция ГУПВИ МВД «О порядке учета и правильного захоронения трупов военнопленных», «Директива и инструкции НКВД СССР №413 «О порядке учета умерших военнопленных» от 13 августа 1943 г. и 7 декабря 1945 г. впервые предписывали отведение под кладбища обособленных специализированных участков земли [6, с. 171–178].

В рамках данных государственных соглашений на уровне областных Управлений НКВД–МВД были изданы многочисленные приказы и директивные указания, направленные на выявление и постановку на учет кладбищ немецких, японских, венгерских, австрийских военнопленных. Начиная с сентября 1945 г. органами МВД СССР совместно с УМВД краев и областей и областными (краевыми) партийными организациями стали проводиться регулярные проверки состояния находящихся на балансе воинских кладбищ, а также сверка имеющейся в ГУПВИ СССР и в УМВД западносибирских областей документации по учету умерших военнопленных (Директива ГУПВИ НКВД СССР №28/74 «Об учете умерших военнопленных» от 07.12.1945 г.) [6, л. 230–230об.].

Как на государственном, так и местном (региональном) уровнях определялся порядок захоронений. Начальники тыловых производственных лагерных отделений обязывались направлять своих представителей к инспектору учета при УМВД и сообщать ему фамилию, имя и отчество умершего военнопленного, его национальность, воинское звание, год рождения и дату смерти. Учетчик, в свою очередь, указывал квадрат кладбища, где следовало копать могилу, регистрировал ее номер. На каждое погребение необходимо было ставить опознавательный столбик с дощечкой, на

которой краской в числителе заносился номер могилы, в знаменателе номер кладбищенского квадрата. Места погребений необходимо было огораживать колючей проволокой или земляным рвом [6, л. 255].

Однако в первые послевоенные годы в сибирской глубинке данные правила практически не соблюдались ввиду поступления большого количества военнопленных в тыловые лагеря, спешного порядка их организации, а также высокого процента смертности военнопленных, прибывавших в западносибирский регион ослабленными и больными. Случалось, что с приходящих в Сибирь эшелонов снимали трупы умерших военнопленных и интернированных, которые в пути не регистрировались начальниками эшелонов (конвоем) и сдавались железнодорожной милиции для погребения без актов, в нарушение приказа НКВД СССР №001273 от 17.10.1944 г. [9, л. 124; 10, л. 128–128об.].

Данные об умерших в лагерях и спецгоспиталях могли вообще не заноситься в реестр потерь. Бывало, что военнопленные на станциях по нескольку дней не выгружались из вагонов ввиду несвоевременного прибытия конвоя. Этапированные в течение длительного времени, измученные и больные, «замороженные» в неотапливаемых вагонах люди существенно «пополняли» процент смертности. К тому же в сложившихся условиях, при отсутствии официально отведенных земель под воинские захоронения в лагерях и спецгоспиталях, военнопленных и интернированных погребали либо на гражданских кладбищах, либо вблизи железнодорожных станций, промышленных предприятий, за ограждением лагерных зон, а иногда и просто на пустырях или в лесных массивах. Учесть эти захоронения в полном объеме оказалось некому.

На основании анализа архивных материалов можно отметить, что в годы войны и в первое послевоенное время вся система учета военнопленных в тыловых районах страны была несовершенна. В лагерях частично отсутствовали или велись небрежно кладбищенские книги, этапные списки военнопленных, схемы и описание расположения местонахождений воинских кладбищ. Допускалась и намеренная манипуляция цифрами с целью сокрытия истинного количества погибших в плену, чтобы «не портить» плановые показатели лагерей и промышленных предприятий.

В целях упорядочения статистического учета погибших в местах их содержания были изданы приказ №00125 НКВД СССР от 28.02.1945 г. по организации и ведению учета интернированных и мобилизованных немцев; директива ГУПВИ НКВД СССР №28/35 о ведении различного учета военнопленных и интернированных в лагерях НКВД для военнопленных от 06.06.1945 г.; распоряжение МВД СССР №597 об упорядочении учета умерших военнопленных и интернированных в лагерях, спецгоспиталях и рабочих батальонах и местах их захоронения от 17.09.1947 г.

Данные документы подчеркивали исключительно важное значение статистической работы, вся ответственность за своевременное и добросовестное проведение которой возлагалась на начальников управлений УНКВД–МВД областей и наркомов республик [11, л. 111].

На каждого погибшего в плену составлялись три акта: о смерти, захоронении и сдаче вещей умершего. Заключение о смерти было типовым и подписывалось представителями лагерной администрации, начальниками лазаретов и спецгоспиталей или просто медицинским работником (за отсутствием врача – фельдшером или медицинской сестрой) с указанием причины гибели военнопленного [11, л. 111об.].

В 1946 г. для систематизации статистического учета военнопленных в ГУПВИ МВД СССР был создан специальный архив по хранению персональных учетных дел на умерших и освобожденных военнопленных и интернированных и образованы специальные фонды, которые впоследствии составили основной фонд учетных дел при ГУПВИ–УПВИ МВД СССР. Данный фонд содержал списки погибших в плену, составленные по лагерям, спецгоспиталям и отдельным рабочим батальонам. На все учетные кладбища военнопленных были заведены контрольно-наблюдательные дела-формуляры, которые содержали копии решений исполкомов местных советов об отведении земель под захоронения, планы-схемы кладбищ с подробными легендами о месте их дислокации, копии списков умерших и захороненных на кладбище, все акты проверок состояния воинских погребений. Однако уже в 1960 г. в справке 5-го отдела Центрального государственного особого архива о порядке и состоянии учета военнопленных и интернированных за период 1939–1957 гг. указывалось, что «в настоящее время остались истории болезни только на умерших военнопленных и интернированных, которые рассортированы по учетным делам. Общие статистические сведения и акты погребений в делах формулярах лагерей отсутствуют» [11, л. 115].

В тыловых лагерях и спецгоспиталях Западной Сибири неоднократно имели место грубые нарушения процедуры погребения. Инструкции НКВД–МВД предписывали захоронение трупов производить не позже, чем через двое суток после смерти. Однако, судя по «спискам погибших и захороненных на кладбищах военнопленных» в Новосибирской, Тюменской, Кемеровской областях и Алтайском крае, можно констатировать, что зачастую хоронили через 3–18, а иногда и более дней. Случалось, что незахороненные трупы лежали в сараях по несколько месяцев, ожидая своей «очереди» на погребение. очевидцы событий, работавшие в лагере для военнопленных охранниками, вспоминали, что умерших хоронили без нательного белья, голыми, тела просто сбрасывали в наспех вырытую яму и присыпали землей. Так, например, во

время транспортировки больных нетрудоспособных немцев из лагерных отделений г. Прокопьевска Кемеровской области умершие в вагонах выбрасывались прямо на подъездные пути шахты им. Ворошилова. В октябре 1945 г. умершие немецкие солдаты на кладбище лаготделений №17 и №25 лагеря МВД СССР №525 в Кузбассе «были наполовину закопаны в могиле» [12, л. 63–64].

Вплоть до 1948 г. в лагерях Западной Сибири производили массовые групповые захоронения, что являлось, в свою очередь, грубым нарушением действующих государственных положений и инструкций [13, л. 1–2].

Впрочем, и здесь мы имеем дело с определенными «махинациями», так как в имеющихся документах в основном указывалось на отсутствие общих, коллективных могил. Однако судя по имеющимся актам о смерти военнопленных и интернированных, а также по спискам умерших, в которых указаны квадраты и номера могил, становится ясно, что групповые погребения имели место в широком масштабе. На таких могилах, как правило, опознавательные знаки отсутствовали. Например, в акте от 8 июня 1949 г., составленном на основании приказа начальника Управления лагеря МВД СССР №525, указывалось, что захоронения военнопленных, осуществляемые лагерным отделением №20 в районе рабочего поселка Красный Кузбасс г. Киселевска, произведенные в 1945–1946 гг., осуществлялись в трех общих могилах до их полного заполнения. Документов учета умерших и кладбищенских книг при этом не велось, как и отсутствовало разрешение местных органов власти на использование данного земельного участка. Произвести статистический учет умерших и похороненных здесь военнопленных иностранцев не удалось. Уже в 1949 г. руководители киселевского городского комитета народного хозяйства вынуждены были констатировать, что «определить количество похороненных здесь военнопленных немцев (в рамках предписаний ГУПВИ) не представляется возможным». Более того, из архивных источников следует, что ранее трупы были захоронены в одиночных могилах, но впоследствии зачем-то были «выкопаны и захоронены в три общие “братские” могилы» [14, л. 1–3, 9].

В связи с приближением окончания репатриации заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант И.А. Серов 24 мая 1949 г. Распоряжением МВД СССР за №324 «О сдаче кладбищ военнопленных и интернированных под надзор местным органам МВД» обязал начальников лагерей для военнопленных передать воинские некрополи в юрисдикцию областных управлений МВД, которые, в свою очередь, определяли их в ведение местных райкомхозов и горкомхозов [6, л. 263].

На областном или краевом уровне в спешном порядке были отданы распоряжения, предписывающие

выявить и поставить на учет все состоящие на балансе в УМВД кладбища иностранных военнопленных и интернированных гражданских лиц «... в целях возможного с разрешения Правительства СССР посещения кладбищ представителями иностранных посольств и общественных организаций». Начиная с 1949 г. проводятся регулярные ежегодные проверки состояния зарегистрированных действующих и закрытых воинских кладбищ, сверка и анализ имеющейся документации (журналов регистрации, кладбищенских и алфавитных книг, картотек, схем и планов) в Сибири и в МВД СССР. Все материалы по учету воинских захоронений предписывалось сохранять в архивах МВД–УМВД на «правах совершенно секретных документов» [15, л. 112–115].

После расформирования лагерей, лагерных отделений, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонов для военнопленных и интернированных местным органам власти в кратчайший срок рекомендовалось провести восстановительные работы по приведению всех воинских кладбищ в надлежащий порядок (поправить ограды, опознавательные знаки, надмогильные холмики, расчистить каналы, сверить количественные данные умерших по спискам МВД СССР и местных УМВД) и, по возможности, устранить разночтения [9, л. 263].

Постановлениями МВД СССР предусматривалось недопущение без специальных санкций занятие и использование кладбищ военнопленных и интернированных под строительные работы, посевы местных жителей и иное хозяйственное освоение [15, л. 114–115]. Однако данное распоряжение было издано слишком поздно. К концу 1949 г. большая часть западносибирских лагерей для военнопленных, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонов в связи с массовой репатриацией была ликвидирована, и осуществлять надзор за воинскими кладбищами на деле оказалось просто некому. В лучшем случае бесхозные кладбищенские территории просто забрасывались, в худшем – не дожидаясь разрешения УМВД краев и областей, с попустительства местных органов власти, началась несанкционированная распашка под пашни, пастбища и огороды колхозами, совхозами, да и просто хозяйственное освоение жителями сибирской глубинки земель, используемых лагерями для воинских захоронений. Причем запахивались территории кладбищ уже на следующий год после их закрытия. В ряде регионов на территории воинских кладбищ хоронили гражданских лиц (вплоть до 1980-х гг.), немцев-спецпоселенцев, заключенных ИТЛ, останки иностранных военнопленных при этом убирали, переносили в иное место или просто выбрасывали (Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Тюменская области). Так, например, в Новокузнецке Кемеровской области (на Кузнецком кладбище) в обход действующих международных и федеральных

постановлений и в настоящее время осуществляются вторичные захоронения умерших местных жителей на территории «немецкого» кладбища.

Неточности в учете и регистрации воинских захоронений, допущенные в 1940–1960-е гг., привели к утрате многих из них. Показательным в данном случае является «Дело об установлении расположения кладбища военнопленных немцев, итальянцев, румын, венгров Славгородского спецгоспиталя №1512» (1949 г., Алтайский край). Так, в служебной записке начальника Славгородского горотдела МВД капитана Камвалина на имя начальника Управления МВД по Алтайскому краю Антонова от 08.10.1947 г. указывалось, что в Славгородском ГО МВД никаких архивных документов о месте нахождения спецгоспиталя №1512 и о наличии в нем смертности военнопленных не сохранилось. Из бесед с бывшим оперативными работниками спецгоспиталя №1512 было установлено, что специальных кладбищ для захоронения умерших отведено не было. Всех погибших вывозили в различные места, «где были готовы рвы или ямы и там сбрасывали». По свидетельствам же местных жителей, в районе Славгорода имелись два кладбища для погребения иностранцев. Но уже к концу 1947 г. не только каких-либо опознавательных знаков, но и надмогильных холмиков там не сохранилось. Как выяснилось впоследствии из рассказов очевидцев, «все привозимые сюда трупы иностранных военнопленных сбрасывались в имеющиеся рвы и каналы, слегка присыпались землей, а затем зачастую извлекались собаками или зверями. Трупы либо перезахоранивали горожане, либо кости растаскивали по полю животные» [10, л. 163]. По мнению начальника славгородского ГО МВД, на этом месте «кладбище с оперативной точки зрения и политически сохранять и восстанавливать нецелесообразно, так как оно создает неприятное впечатление» [10, л. 164]. Выявить его местонахождение по запросу Главного управления по военнопленным и интернированным (ГУПВИ) МВД СССР, как и численность захороненных на нем, по имеющимся документам (вследствие утраты таковых в 1940-е гг.) в ГО МВД Алтайского края оказалось невозможным. Однако в Российском государственном военном архиве (РГВА) Москвы и в Архиве Информационного центра ГУВД Алтайского края нам удалось найти этапный список и установить сведения по 180 умершим военнопленным, погребенным на территории селекционной станции в 4–5 км от госпиталя №1512 Славгорода [10, л. 128].

На уровне международных документов и соглашений ГУПВИ–УПВИ МВД СССР требовали от местных властей, по возможности, сохранности и восстановления кладбищ иностранцев, выделяя на эти цели значительные средства. Только в одном Алтайском крае за период 1951–1952 гг. было израсходовано 75534 руб., ассигнованных на основании запросов

Управления МВД Алтайского края на проведение реставрационных работ [16, л. 19, 27, 28].

В январе 1957 г. на переговорах между правительственными делегациями СССР и ГДР впервые была достигнута договоренность о том, что в европейских странах будет обеспечиваться уход за захоронениями и памятными местами времен Второй мировой войны. В ходе переговоров подчеркивалось, что органы МВД СССР должны осуществлять надзор над наиболее крупными кладбищами, на которых погребены умершие военнопленные бывшей германской и союзных с ней армий и интернированные немцы. Посольство ГДР обратилось с просьбой в МИД СССР передать органам ГДР список кладбищ германских граждан, обозначенных на территории СССР [1, л. 378].

По мнению МВД и МИД СССР, в 1959 г. можно было предоставить посольству ГДР перечень только 50 кладбищ, которые находились в более или менее удовлетворительном состоянии, с количеством захороненных на них около 30 тысяч немцев. В случае необходимости правительство СССР предполагало обеспечить посещение указанных объектов представителями ГДР и других иностранных держав. Аналогичная ситуация складывалась и в плане договоренностей о наличии возможности сохранения и охраны кладбищ, где были захоронены японские, австрийские и венгерские военнопленные [5, л. 2–3].

Осуществить на практике данные соглашения оказалось весьма непросто. В Западной Сибири фактически никакого надзора за кладбищами военнопленных и интернированных, за небольшим исключением, со стороны органов УМВД в 1940–1950-е гг. так и не было организовано, впрочем, как и в других регионах СССР. Неслучайно в ходе повторной массовой проверки и регистрации мест захоронений, проводимых в 1959–1960-е гг., МВД СССР вынуждено было констатировать, что пригодных для посещения иностранными представителями воинских кладбищ на территории Западной Сибири практически не осталось. Местные же органы власти, ссылаясь на недостаточное и несвоевременное финансирование, постоянно сокращали список охраняемых объектов, «вынуждены» были и впредь списывать с баланса и закрывать, а, следовательно, уничтожать, распаивать оставшиеся из них. Первыми «под удар» попали кладбища, расположенные в городской и поселковой черте, где активно велось гражданское строительство (например, в Тюмени, Барнауле, Бийске, Рубцовске, Сталинске (Новокузнецке), Осинниках, пос. Шушталеп), в лесных массивах Алтайского края и Кемеровской области (доступ к которым был затруднен по причинам отдаленности и бездорожья), в местах залегания угольных пластов в Кузбассе (Прокопьевский, Беловский, Ленинск-Кузнецкий, Новокузнецкий районы) и торфоразработок (Тюмень) [17, л. 4–5].

В настоящее время вопрос о преднамеренном уничтожении кладбищ иностранных военнопленных

региональными органами власти и местным населением в современной российской историографии является дискуссионным и достаточно болезненным. Анализ имеющихся архивных документов, на наш взгляд, все же не позволяет однозначно подходить к рассмотрению данной проблемы. Несомненно, в трудное послевоенное время сохранение и уход за иностранными воинскими кладбищами требовали немало средств и усилий. На осуществление всего комплекса мер по поддержанию порядка на кладбищах иностранных военнопленных, как того требовали международные и государственные постановления и инструкции, на региональном уровне не хватало ни финансовых средств, а зачастую ни времени, ни сил. Можно также констатировать, что международные и государственные обязательства в плане постановки на учет, сохранения и охраны памятных исторических мест в 1945–1960 гг. в Западной Сибири в основном не выполнялись, а в 1970–1980-е гг. можно говорить о полной утрате интереса как в СССР, так и в Западной Сибири, в частности, к данной проблеме.

В Германии вопрос воссоздания, поддержания и ухода за воинскими захоронениями на ее территории регулируется законом о захоронениях от 1 июля 1965 г., в новой редакции от 1 января 1993 г. По данному закону сюда относятся и могилы погибших советских солдат, офицеров и репатриированных гражданских лиц. На основании этого многочисленные кладбища советских военнопленных были восстановлены или заново сооружены и бережно сохраняются государственными и общественными организациями, выполняющими свой гражданский и человеческий долг [18, с. 16, 133–137, 170]. Так, 16 декабря 1991 г. Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным и Канцлером Федеративной Республики Германии Г. Колем были заключены важнейшие соглашения. Первое – это совместное заявление бывших военных противников, в котором обе стороны выражали намерение восстановить справедливость в отношении безвинных жертв террора и распространить на них действие законодательства о реабилитации. Одновременно правительства обеих стран подписали договор о воинских захоронениях времен Второй мировой войны в России и Германии, который в качестве документа международного права создал основу для их защиты и достойного ухода, а также выяснения судеб павших иностранных солдат и офицеров. Ранее аналогичные обязательства приняли на себя Германия, Бельгия и Люксембург [19, с. 65–75].

Еще до заключения договора заботу о благоустройстве советских воинских кладбищ в Херлесахузене (Хессен), Хаммельбург (Бавария), Эрбке (Нижняя Саксония) и других взял на себя Народный Союз Германии по уходу за военными могилами. Тысячи имен советских военнопленных, погибших в концлагерях Германии, и немецких военнопленных, остававшихся

в большинстве случаев неизвестными, были установлены, а, следовательно, удалось проинформировать и родственников о судьбе их близких. В Японии поиск своих соотечественников в настоящее время осуществляет Департамент социального благосостояния и помощи жертвам войны.

В январе 1992 г. президент США Дж. Буш и Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин приняли решение о создании Совместной российско-американской комиссии по делам военнопленных и лиц, пропавших без вести. Комиссия продолжает свои усилия по поиску информации о судьбах погибших и захороненных на территории России, Европы и США военнопленных и интернированных. Комиссию возглавили: с американской стороны – посол Малькольм Тун, с российской стороны – генерал Д. Волкогонов [20, с. 133–135].

С января 1996 г. российским сопредседателем данной комиссии стал генерал-майор, доктор исторических наук В.А. Золотарев, с декабря 1998 г. сопредседателем комиссии с американской стороны президент США Б. Клинтон назначил генерала в отставке Роланда Ладжоя. Указом Президента Российской Федерации от 30 апреля 2005 г. за №480 «О Межведомственной комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести» вместо комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести (действовала на основании Указа Президента РФ №2070 с 8.11.1994 г.) была образована новая Межведомственная комиссия по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, организационно-техническое обеспечение которой возложено до настоящего времени на Министерство обороны РФ во главе с генерал-майором В. Шамановым [21, с. 1].

Под руководством Документационного центра Объединения Саксонские мемориалы при сотрудничестве с федеральными землями Нижняя Саксония и Северный Рейн-Вестфалия, а также при поддержке ряда федеральных министерств и общественных организаций Германии и России начиная с 1999 г. осуществляется сотрудничество в рамках научного исследовательского проекта по выявлению судеб попавших в плен немецких и советских военнослужащих [22, с. 88]. На межгосударственном уровне значимость проекта подчеркивается обменом дипломатическими нотами между министрами иностранных дел Германии и России. Существенный вклад в данный международный проект вносят поисковая служба Российского Красного Креста и ассоциация «Военные мемориалы».

Гуманитарная некоммерческая организация «Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества “Военные мемориалы”» была создана в декабре 1991 г. Министерствами обороны России и Италии. Начиная с 2000 г. ее соучредителем становится и Российский историко-культурный центр

при Правительстве Российской Федерации, позднее – Общероссийская общественная организация ветеранов войны и военной службы и Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных действий.

Главным направлением деятельности ассоциации (в том числе и в Западной Сибири) является осуществление практических мероприятий по реализации межправительственных соглашений о воинских захоронениях, которые заключены с Венгрией, Италией, Германией, Монголией, Польшей, Словакией, Финляндией, Чехией и Японией. В настоящее время ассоциация совместно с МИД и Министерством обороны России участвует в подготовке проектов межправительственных соглашений о воинских захоронениях с Белоруссией, Румынией, Украиной, странами Балтии и другими государствами.

Основными задачами в рамках упомянутых договоров на региональном уровне являются:

- обеспечение российской стороной и региональной властью имеющихся на ее территории сохранности и содержания иностранных воинских захоронений;
- сбор архивных данных и составление списков фамилий погибших или пропавших без вести военнопленных и интернированных бывших военных противников и предоставление указанных сведений заинтересованным государствам;
- эксгумация и перезахоронение останков иностранных военнослужащих в соответствии с международными нормами права;
- постоянный контроль и ревизия имеющихся на учете памятников и памятных исторических мест;
- установка памятных знаков и мемориальных плит в местах гибели и погребения;
- юридическое оформление и выведение из хозяйственного использования участков земли с последующей их «передачей в постоянное пользование Ассоциации для обустройства иностранных воинских кладбищ и установки памятных знаков». Указанные виды работ осуществляются практически на всей территории Западной Сибири [23, с. 3–8, 11].

На сегодняшний день в Западной Сибири на основании анализа документов центральных и региональных архивов выявлены местонахождения 51 кладбища и отдельных погребений иностранных военнопленных и интернированных гражданских лиц [24, л. 1–30; 25, с. 170–171; 26, с. 133–137]. Нами впервые в западно-сибирском регионе составлена компьютерная база данных, в которой содержатся сведения о более 12 тысячах умерших военнопленных Западной Сибири, позволяющая осуществлять поисковые операции по фамилиям, месту погребения военнопленных и интернированных. В Кемеровской области за последние годы в результате ряда экспедиций и работы с источниками центральных и региональных архивов найдены

34 местонахождения захоронений немецких, японских, венгерских и других военнопленных; учтены 4 кладбища в Новосибирской области, 3 – в Тюменской, 12 – на территории Алтайского края. На сегодняшний день безвозвратно утрачены (уничтожены, распаханы, на этом месте возведены жилые постройки, административные здания или просто находится пустырь) только в одной Кемеровской области 29 кладбищ иностранных военнопленных, были восстановлены 5 местонахождений захоронений иностранцев.

Международной ассоциацией «Военные мемориалы» предприняты конкретные шаги по благоустройству, сохранности и охране части местных кладбищ. На территории Западной Сибири установлены 19 мемориальных знаков иностранным военнопленным – жертвам Второй мировой войны. Первым в Западной Сибири на средства Народного Союза Германии по уходу за военными могилами было обустроено Первомайское кладбище иностранных военнопленных в Новосибирской области. Его открытие состоялось 19 ноября 1995 г. – в день национального траура, отмечаемого в Германии в память о погибших в Первой и Второй мировых войнах [27, с. 49–50]. В церемонии принимали участие представители Генерального консульства ФРГ, католической церкви, администрации города, жители района. В 16-м квартале Заельцовского кладбища (Новосибирск) установлен мемориальный знак в виде высотного креста и памятной плиты на русском и немецком языках. «Памятник жертвам войны» в Юрге на месте несохранившегося кладбища иностранных военнопленных и спецпереселенцев на собственные средства установил бывший житель города, музыкант и педагог Иосиф Церр, проживающий в Ганновере. На месте бывшего кладбища сегодня расположены садовые участки местных жителей.

В городах Кемерове, Новокузнецке, Прокопьевске, Киселевске, Барнауле, Бийске открыт ряд памятников венгерским, немецким и японским военнопленным. В октябре 2006 г. состоялось торжественное открытие монумента и мемориального комплекса на месте захоронений иностранных военнопленных и интернированных в Предзаводском районе Кемерова. Начиная с июля 1995 г. проведена эксгумация на японских кладбищах Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайском крае. Все тела были вывезены и перезахоронены в Японии. На немецких кладбищах эксгумация не проводилась.

Поиск захоронений и установление имен погибших в Западной Сибири продолжается. Так, по свидетельствам старожилов, существовали массовые захоронения бывших солдат вермахта и Квантунской армии в районе строительства Южно-Кузбасской ГРЭС на р. Кондома. На этом месте сегодня выстроен пос. Постоянный. В буквальном смысле «на костях» стоит г. Осинники (Кемеровская область). Имеются архивные данные и начаты поисковые работы массовых

захоронений иностранных военнопленных в районе пос. Кайла северо-восточнее Анжеро-Судженска. Списки погибших военнопленных пока найти не удалось [28, л. 1об.–3об.]. Получены сведения от старожилов Кемеровской области о захоронениях японских военнопленных, которые находились в районе лесничества «Кордон», расположенного в 4 км по железнодорожной ветке в сторону г. Тайги. Однако списки погибших также не сохранились. Были погребения иностранных военнопленных и в районе Березовского, на шахте «Южная» в Кемерове, японских военнопленных в районе пос. Яя (лаготделение №6, лагерь №526), в Прокопьевске (шахта «Красногорская»), в Киселевске (недалеко от Тайбинской автобазы), в Новокузнецком районе (с. Костенково). По имеющимся архивным источникам определено местонахождение немецкого кладбища в районе Таштагола Кемеровской области [29, л. 1об.–5об.]. Все работы по сохранению и благоустройству кладбищ иностранных военнопленных в современной Западной Сибири осуществляются на основании международных соглашений международной ассоциацией «Военные мемориалы» и Немецким народным союзом по уходу за военными могилами.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что проблемы сохранения, содержания, восстановления и охраны иностранных воинских захоронений Второй мировой войны в Западной Сибири на сегодняшний день по-прежнему актуальны. В 1945–1960-е гг. в Западной Сибири международные и государственные постановления в плане статистического учета, сохранения и охраны захоронений иностранных военнопленных в основном не выполнялись, а в 1970–1980-е гг. можно говорить о полном «забвении», прежде всего на государственном уровне, этого вопроса, что привело к утрате и разрушению большинства воинских кладбищ. В то же время на основании анализа архивных документов мы не можем однозначно утверждать, что кладбища иностранных военнопленных региональными органами власти уничтожались планомерно и преднамеренно. С 1990-х гг. возрождается международное сотрудничество, заложившее основу для защиты и должного ухода за воинскими некрополями, а также для выяснения судеб павших иностранных солдат и офицеров на территории бывших противоборствующих сторон. Сохранение иностранных воинских захоронений как части европейского культурного наследия, как памятников трагедии общечеловеческого масштаба важно и в плане ликвидации «белых пятен» истории Второй мировой войны и как дань памяти о целом поколении, которое «заплатило» за ошибки, амбиции, «идеологическую заданность» политиков своих стран. Как показывает исторический опыт, первый шаг к нормализации межнациональных отношений лежит в плоскости трезвого восприятия этнической истории, вне зависимости от того, какой заряд и какой «окрас» она несет.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 9401. – Оп. 2. – Д. 505.
2. Мотревич, В.П. Захоронения военнопленных Второй мировой войны на территории Тюменской области / В.П. Мотревич // Великий подвиг народа. – Екатеринбург, 2001.
3. Мотревич, В.П. Иностранные воинские кладбища в Тюменской области / В.П. Мотревич // Культурное наследие Азиатской России. – Тобольск, 1997.
4. Мотревич, В.П. Германские воинские кладбища Второй мировой войны в Свердловской области: численность, дислокация и современное состояние / В.П. Мотревич // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). – Екатеринбург, 2001.
5. ГА РФ. – Ф. 3316. – Оп. 64. – Д. 1049.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 1п. – Оп. 37а. – Д. 1.
7. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1. – Д. 619.
8. О порядке погребения трупов военнопленных японцев : Директива НКВД СССР №201 от 14.11.1945 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956 : документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. – М., 2000.
9. РГВА. – Ф. 1. – Оп. 37а. – Д. 2.
10. Информационный центр ГУВД Алтайского края (ИЦ ГУВД АК). – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 21.
11. РГВА. – Ф. 1 п. – Оп. 05е. – Д. 2.
12. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 205.
13. РГВА. – Ф. 1 п. – Оп. 05 е. – Д. 1363.
14. РГВА. – Ф. 1 п. – Оп. 05 е. – Д. 1378.
15. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1. – Д. 985.
16. РГВА. – Ф. 1 п. – Оп. 05 е. – Д. 419.
17. РГВА. – Ф. 1 п. – Оп. 05 е. – Д. 2006.
18. Кладбище Хаммельбург (Бавария) / сост. Клаус-Дитер Мюллер, Райхард Отто, Рольф Келли, Вили Каммерер. – Кассель, 2002.
19. Маркдорф, Н.М. Захоронения иностранных военнопленных в Кузбассе в 1940–1950-е годы / Н.М. Маркдорф // Немцы в Сибири: история, язык, культура : материалы Международной научной конференции. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. / отв. ред. В.А. Дятлова. – Красноярск, 2005.
20. Смыкалин, А.С. Совместная российско-американская комиссия по делам военнопленных и лиц, пропавших без вести / А.С. Смыкалин // Вопросы истории. – 2003. – №7.
21. Мотревич, В.П. О создании Межведомственной комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести / В.П. Мотревич // Новые известия. – 2005. – 17 мая.
22. Доклад совместной российско-американской комиссии по делам военнопленных и лиц, пропавших без вести. Апрель 2001 г. – М., 2001.
23. О деятельности Ассоциации «Военные мемориалы». – М., 2002.
24. Информационный центр ГУВД Кемеровской области (ИЦ ГУВД КО). – Ф. 11. – Оп. 1. – Арх. 17.
25. Букин, С.С. Смертность военнопленных в лагерях Сибири в годы Второй мировой войны и послевоенный период / С.С. Букин // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII–XX вв. – Новосибирск, 1996.
26. Букин, С.С. Лагеря военнопленных в Сибири / С.С. Букин, А.И. Тимошенко // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира : тез. Международной научной конференции. – Омск, 1999.
27. Букин, С.С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. / С.С. Букин. – Новосибирск, 2000.
28. ИЦ ГУВД КО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Арх. 19.
29. ИЦ ГУВД КО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Арх. 20.